

Т. МАВРИНА

Ю. КОВАЛЬ

1980

ЗАЯЧЬИ ТРОПЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

THE INTERNATIONAL BOARD
ON BOOKS FOR YOUNG PEOPLE

awards

The Hans Christian Andersen Medal

to

Tatyana A. Mavrina

*for her International Contribution to the
Illustration of Children's Books*

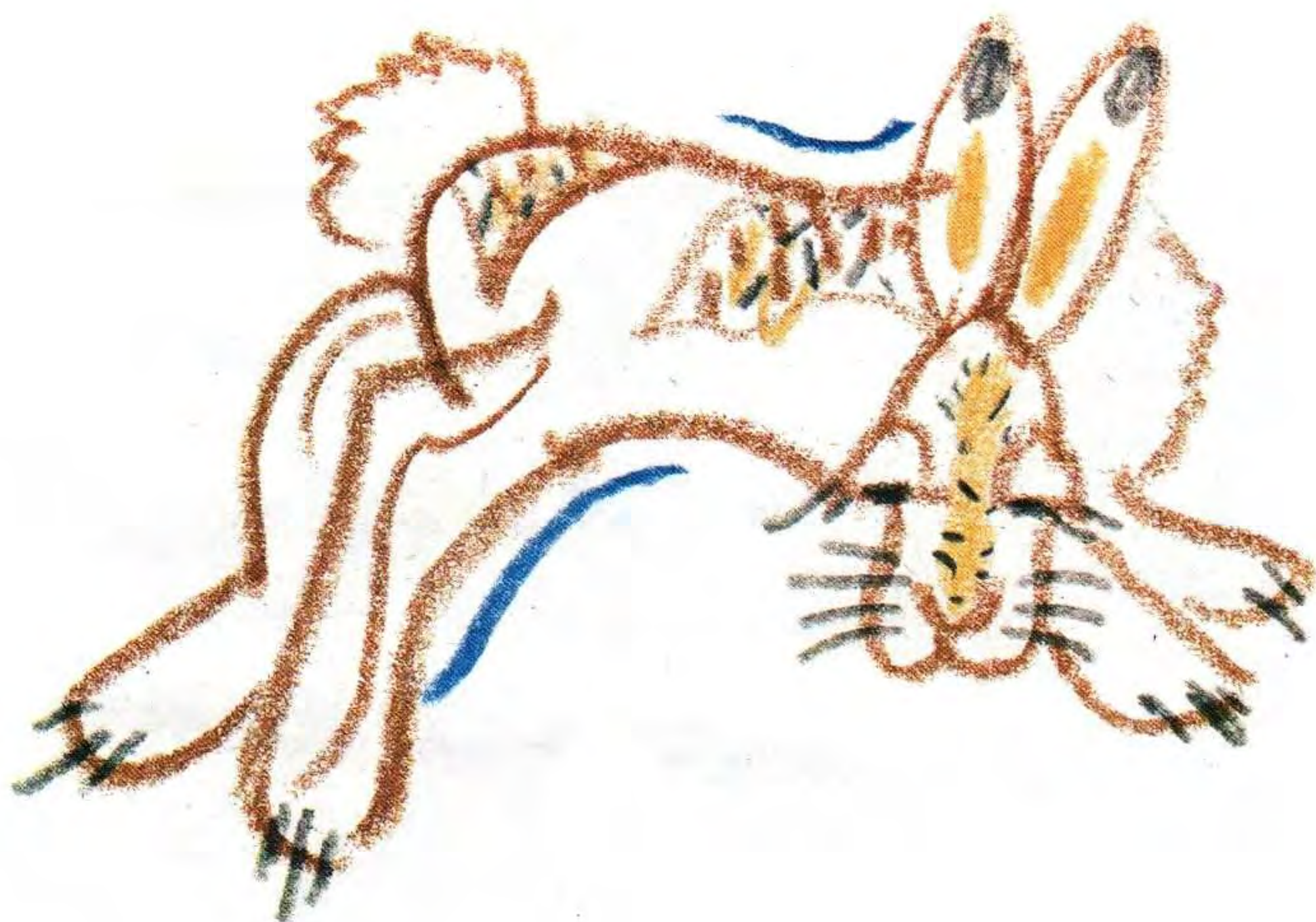

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ
ПО КНИГАМ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

В 1976 ГОДУ НАГРАДИЛ МЕДАЛЬЮ
ГАНСА ХРИСТИАНА АНДЕРСЕНА

Т. А. Маврину

ЗА ЕЕ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВКЛАД
В ДЕЛО ИЛЛЮСТРАЦИИ ДЕТСКИХ КНИГ

рисунки Т. Мавриной
рассказы Ю. Коваля

с с с

Заячьи Тропы

МОСКВА
«Детская литература»
1980

*Говорят, что каждая книжка — это дом, в котором
кто-нибудь обязательно живёт.*

*Эта книжка, пожалуй, не такой уж огромный
дом, а, скорее всего, лесная избушка. А живут
здесь грачи и зайцы, снегири и коты.*

Но как же снегирям-то жить в избушке?

Места ведь мало!

*Надо снять у избушки крышу, да и стены
поломать, чтоб снегири могли летать,
а зайцы бегать.*

*А если каждая книжка — дом, то в
этом доме живут рисунки и расска-
зы, а зайцы вокруг бегают.*

*Рисунки сделала Татьяна Маври-
на, рассказы к ним написал
Юрий Коваль, которые и
передают сердечный при-
вет всем своим читателям.*

Заячьи Тропы

а что это такое! Куда ни пойдёшь — всюду заячьи следы.

А в саду не то что следы — настоящие тропы натоптали беляки между груш и яблонь.

Стал я считать по следам, сколько зайцев приходило ночью в сад.

Получилось — одиннадцать.

Обидно мне стало — всю ночь спал как убитый, а зайцы мне и не снились.

Надел я валенки и пошёл в лес.

А в лесу заячьи тропы превратились в дороги, прямо какие-то заячьи шоссе. Видно, ночью беляки да русаки табунами тут ходили, в темноте лбами сталкивались. А сейчас ни одного не видно — снег, следы, солнце.

Наконец заметил я одного беляка. Он спал в корнях поваленной осины, выставив из-под снега чёрное ухо.

Я подошёл поближе и говорю тихонько:

— Эй, вы!

Ухо чёрное высунулось ещё немного, а за ним и другое ухо — белое.

Это другое ухо — белое — слушало спокойно, а вот чёрное всё время шевелилось, недоверчиво склоняясь в разные стороны. Как видно, оно было главней.

Я шмыгнул носом — и ухо чёрное подпрыгнуло, и весь заяц вышел из-под снега.

Не глядя на меня, он боком-боком побежал в сторону, и только ухо чёрное беспокойно оглядывалось — что я там делаю? Спокойно ли стою? Или бегу следом?

Всё быстрее бежал заяц и уже нёсся стремглав, перепрыгивая сугробы.

Ухо его, чёрное, замелькало среди берёзовых стволов.

А я смеялся, глядя, как мелькает оно, хотя уже и не мог разобрать — ухо это заячье или чёрная полоска на берёзе.

Снегири и коты

оздней осе-
нью, с первой порошей
пришли к нам из северных
лесов снегири.

Пухлые и румяные, усе-
лись они на яблонях, как
будто вместо упавших
яблок.

А наши коты уж тут
как тут. Тоже залезли на
яблони и устроились на
нижних ветвях. Дескать,
присаживайтесь к нам,
снегири, мы тоже вроде
яблоки.

Снегири хоть целый год и не видели котов, а соображают. Всё-таки у котов хвост, а у яблок — хвостик.

До чего ж хороши снегири, а особенно — снегурки. Не такая у них огненная грудь, как у хозяина-снегиря, зато нежная — палевая.

Улетают снегири, улетают снегурки.

А коты остаются на яблоне.

Лежат на ветках и виляют своими яблочными будто хвостами.

«Лес, лес!
Возьми мою глоть!»

аболело у меня горло.

Стал я его лечить горячим молоком и мёдом, паром разварной картошки.

— А ты в лес сходи, — сказала Пантелевна. — Стань на поляне да и крикни изо всех сил: «Лес, лес! Возьми мою глоть!» Может, и возьмёт. Только сильнее кричи-то и рот пошире открывай.

Обулся я, оделся потеплей, пришёл в лес. Стал на поляну, разинул рот и крикнул изо всех сил:

— Лес, лес! Возьми мою глоть!

Не шелохнулся лес, и я не понял — взял он или не взял.

Стал я снова кричать и орал ужасно и рот разевал, чтобы лес мог поглубже в меня проникнуть.

ЛЕС, ЛЕС,
ВОЗЬМИ
МОЮ ПЛОТЬ!

«Ну и глоть у тебя, брат», — думал, наверно, лес, глядя на мои старания.

Вернулся я домой, залез на печку греться, а сам всё думал: «Взял он или нет?»

Давно это было. И теперь я живу в городе, и горло у меня не болит. И ничего у меня не болит. И вообще я здоров как бык.

Весело гуляю среди каменных домов, а про себя всегда думаю: «Лес, лес! Возьми мою глоть!»

ХОЗЯИН
ЕЁ МУЧИТ
НОЧЬЮ, ГРИВУ ЗА-
ПЛАТЯЕТ!

П. М.

26 III. 64

Козяин

И

ду по дороге, а навстречу лошадь везёт сено. Рядом женщина шагает, в телогрейке.

У всех-то лошадей глаза печальные, а у этой смотрю — совсем уж никуда.

— Как зовут, — спрашиваю, — вашу лошадь?

— Мая.

— А чего она грустит? Веселилась бы — весна на дворе.

— Хозяин её мучит. На ночь гриву заплетает.

— Какой хозяин?

— Ихний хозяин, лошадиный.

— Конюх, что ли?

— Конюх — это я, — ответила женщина. — Сама с нею мучаюсь. А хозяин, который ночью приходит. Придёт и мучит — гриву заплетает. Я уж утром встану пораньше, расплету ей гриву, чтоб полегчало.

— Не пойму, что за хозяин. Ваш муж, что ли?

— Да мой-то хозяин, Генка, кого хошь замучает, но Маю не трогает. Сам из-за неё да из-за меня мучается.

Лошадь Мая слушала наш разговор и печально покачивала головой, как бы поясняя: да, брат, мучают меня, гриву заплетают мохнатой рукой.

— У тебя вон ружьё, дяденька. Пришёл бы попугал хозяина.

— Что вы, — говорю, — бог с вами. Я хозяев сроду не пугал.

Я пошёл дальше и думал про себя: «Да что же это за хозяин? Домовой, что ли? Сараешник?»

А ведь, пожалуй, я и сам один раз видел такого хозяина.

Я ночевал тогда в сарае, на сеновале.

Вдруг под утро всполошились куры, замычала тревожно корова.

Я спрыгнул на землю, и тут под ногами у меня и прошмыгнул тот, кого зовут «хозяин». Я точно помню его круглые ушки, маленькое злое лицо и белую грудь.

Вспомнил я наконец и имя хозяина. Действительно, какое-то хозяйское, домашнее и тревожное имя — ласка.

Герасим Грачевник

Герасим Грачевник грачей пригнал! — закричали на улице соседские ребята, и я выскочил на крыльцо поглядеть, в чём дело.

По дороге ходили грачи — прилетели наконец.

А никакого Герасима видно не было. У нас и в деревне-то нет ни одного Герасима.

Это день сегодняшний так назывался — Герасим Грачевник. Не какой-нибудь понедельник или четверг, а — Герасим. Весь день — и раннее утро, и будущий вечер, и небо, и лужи на дорогах, и подтаявший снег, весь день был Герасим. А взошедшее солнце было его головой.

Грачи походили по дороге и полетели к берёзам, где остались у них прошлогодние гнёзда.

Не знаю, почему это грачи так любят берёзы? Наверно, тянет их, чёрных, светлая кора. А ведь не только грачей тянет к берёзам. А иволги-то? А чижи? Да и меня-то самого тоже тянет к берёзам.

Заведу-ка я себе ручного грача и назову его — Герасим.

Сороки

улицы по-
слышался крик, треск
и хохот.

Я подбежал к ок-
ну и увидел, что около
дома катается по зем-
ле клубок, из которо-
го торчат хвосты и
перья.

Дрались две соро-
ки. Лупили друг дру-
га крыльями, цара-
пались и кричали.
А третья сидела на
крыше сарая и на-
блюдала.

— Вы что! — крикнул я в форточку. — Взбе-
сились?!

Напугавшись, одна сорока сразу улетела на
крышу сарая, а другая осталась лежать на
земле.

Я вышел на улицу поглядеть — жива ли?

Приподнявшись, она недовольно зашипела —
тебя, дескать, тут не хватало. Волоча крылья, кое-
как проковыляла она по земле, с трудом поднялась
в воздух и тоже села на крышу сарая.

Те две другие сразу закричали, застреко-
тали:

— Проваливай! Проваливай!

Побитая сорока пыталась объясниться, но её и слушать не хотели — гнали прочь.

Тут я понял, что это два сорочьих жениха дрались из-за невесты и победитель прогонял теперь побеждённого.

Чуть не плача, полетел неудачный жених к лесу и низко летел над землёй, вот-вот собираясь опуститься.

Но над лесом сорочун повыше поднялся в небо, веселей замахал крыльями. Оглянувшись в последний раз, он застрекотал и полетел теперь совсем уж свободно и как будто даже радовался, что так получилось.

Лесная речка

Никак я не пойму — то ли это речка, то ли — ручей.

Ну, летом это, конечно, — ручей. Летом его перешагнуть можно. А вот уж осенью — его не перешагнёшь. От осенних дождей превращается ручей в речку. Его теперь переплыть надо, да — не переплывёшь. Завале-

на лесная речка корягами, палыми осинами, гнилой ольхой.

Художница Татьяна Алексеевна нарисовала этот ручей осенью и написала на рисунке: «Лесная речка».

— Разве ж это речка? — сказал я. — Это же — ручей. Вы бы лучше так и написали: «Лесной ручей».

— Это летом — ручей, а осенью — речка, — ответила Татьяна Алексеевна.

Стали мы думать, куда течёт наша лесная речка.

— Не в Сходню ли? — сказала Татьяна Алексеевна. — Здесь речка Сходня где-то поблизости. У Сходни берега высокие. По ним нужно спускаться и подниматься к воде. Отсюда и название — Сходня.

— А Сходня куда впадает?

— В Москву-реку, а река Москва — в Оку. Мне с детства это слово — Ока — кажется очень круглым. У Оки — вода белая. А вливается она в жёлтую Волгу. А уж Волга жёлтая — в тёмно-синее Каспийское море. Может, сделаем кораблик?

— Из бумаги? — спросил я.

— Из бумаги скоро размокнет. Лучше вырезать кораблик из доски, и пускай плывёт до Каспийского моря, гуляет там вместе с пароходами и баржами.

Договорились мы и сделали кораблик. Да только стоит пока что кораблик на шкафу.

Зима сейчас, зима. Скована наша речка льдами.

Зимним днём по крепкому льду пешком переходят её зайцы, а ночью летает над ней и ухает филин.

ΠΕΤΡΑ-ΠΕΤΥΣΣΟΚ

21. IX. 70

Сороки-белобороды

Русачок-Травник

Мы были в саду, когда в рогатых васильках, что росли у забора, вдруг объявился заяц. Русачок. Увидевши нас, он напугался и спрятался в рогатых васильках. Да и мы все замерли и только глядели, как блестят из рогатых васильков заячьи глаза.

Этот русачок родился, как видно, совсем недавно. Таких зайцев и называют «Травник» — родившийся в траве.

Русачок-Травник посидел в рогатых васильках и пошёл по саду. Шёл, шёл и дошёл до Николая Василича. А Николай-то наш Василич как раз в рогатых васильках лежал.

Русачок-Травник подошёл поближе и стал глядеть на Николай Василича.

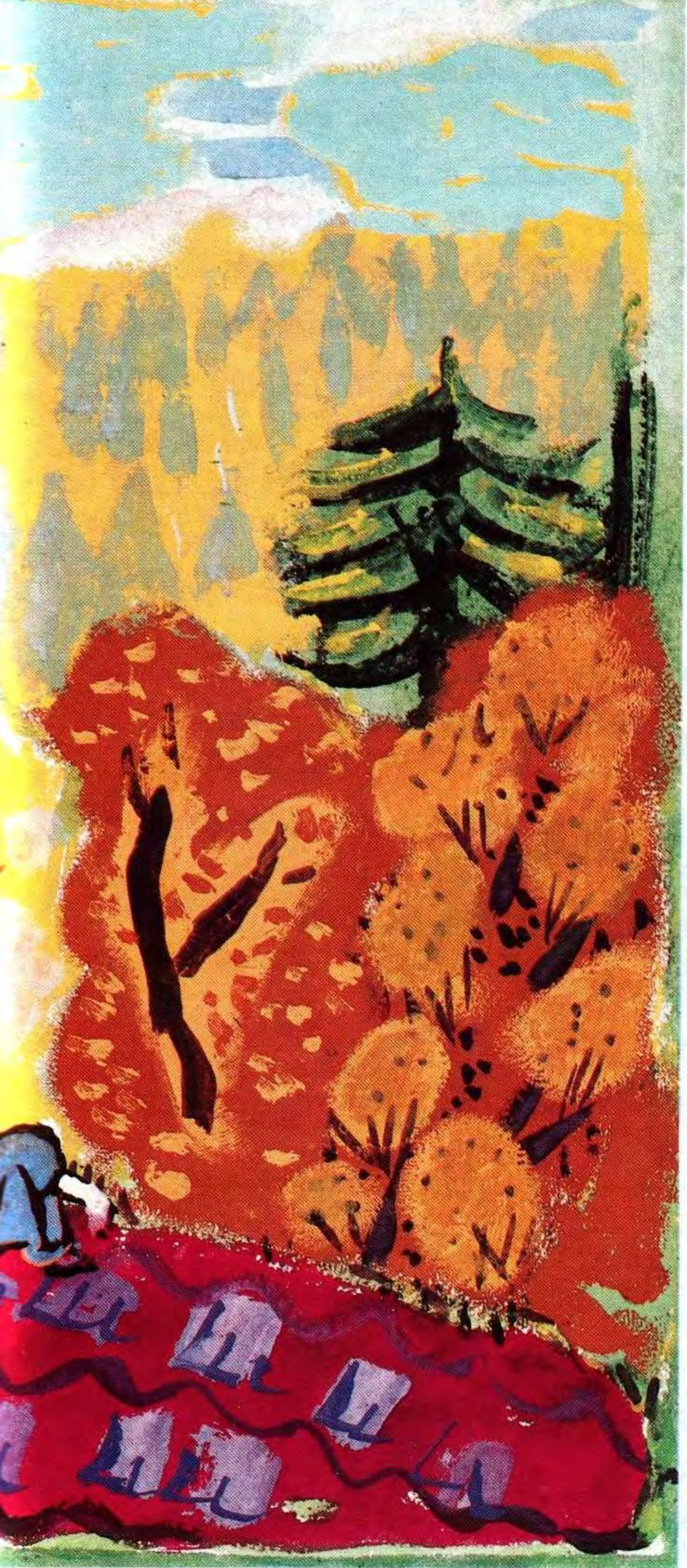
Николай Василич и виду не подал, что он Николай Василич. Он спокойно лежал, как может лежать в рогатых васильках поваленная берёза.

Русачок-Травник вспрыгнул на Николай Василича и, устроившись у него на спине, почистил лапой свои усы. Потом слез на землю и вдруг увидел пушистые малиновые цветы. Обнюхал каждый цветок, пролез через дырку в заборе и скрылся.

Тут уж Николай Василич зашевелился, потому что он был всё-таки не поваленная берёза, а живой человек. Но только, конечно, особый человек — по которому зайцы «пешком» ходят.

25 IX 1962 г. АБРАМЦЕВО

Ита КАРТОШКЕ

ончились дожди — появилась в лесах золотая осень.

— Пора картошку копать, — сказала Игнатьевна. — Дожди уже кончились.

Игнатьевна — бакенщица. Она бакены на реке проверяет, зажигает. У неё и картошка бакенщицкая. А растёт она рядом с колхозным полем.

Копать мы пошли рано утром, а на колхозных-то полях уже народу

полно — и деревенские копальщики, и городские приехали.

Кто-то из городских привёз с собой спаниельчика.

Я вижу, хоть и охотничья собака, а повадки у неё городские. На мешки лает, на копальщиков лает, на лопаты лает и даже на картошку рычит. Увидит очень большую картофелину и набрасывается на неё.

А как увидел нас с Игнатьевной, чуть с ума не сошёл. Бегает вокруг, подпрыгивает, ушами мотает. Чувствует, видно, что мы речные, некартофельные люди. Вёслами от нас пахнет, бакенами, судаками.

Бросишь в него картофелину, чтоб не мешал, а он эту картофелину назад тебе и приносит. Тренированный, что ли?

До вечера копали мы, и только ночью пошёл я на реку подпускá проверять.

У меня подпускá поставлены были, на налима.

Развёл на берегу костёр, сварил котелок картошки.

Сижу на берегу, гляжу на чёрную воду и картошку ем.

Хорошая была картошка, бакенщицкая.

Кони

Редко в наших местах встретишь теперь коней.

А встретишь — всегда обрадуешься.

Один раз вышел на поляну, и вдруг — кони.

Остановился, смотрю.

Кони тоже почувствовали близкого человека, подняли головы, смотрят на меня. А когда я пошёл дальше — кони двинулись неторопливо за мной.

Я заволновался. Не знаю, чьи кони и куда им надо идти. Может, им в другую сторону, а они — за мной.

Так они и шли за мной, а я гордился. Я был теперь не простой человек, а с конями.

Потом-то они отстали.

Про чайку и ЧИБИСА

меня не лю-
бят чайки.

Когда прохожу я по бе-
регу озера — стараются
уплыть подальше. А летят
надо мной — кричат недо-
вольно.

Когда-то, лет двадцать
назад, на охоте я убил
чайку. А зачем это сде-
лал — сейчас и сам не пой-
му, дурак был. Чайки,
видно, запомнили, что я
дурак, и думают — до сих
пор не изменился. Обидно

мне стало, потому что, по-моему, я всё-таки изменился.

Стал думать, а как другие-то птицы относятся ко мне.

Дятлы уважают, и я их тоже. Воробьи и синицы как будто относятся неплохо — зимой я подкармливаю их салом и коноплёй.

Скворцы и ласточки-касатки, конечно, любят, потому что любят всех людей.

А чибисы?

Иду как-то по дороге, а на пашне — чибис.

Увидел меня и давай метаться, хлопать крыльями над головой, кричать.

«Что ж такое? — подумал я. — Неужто и он помнит про ту чайку?»

Когда я отошёл подальше, чибис опустился на землю и пошёл пешком по пашне к своим детям. Ему было наплевать на меня, только что прошедшего мимо.

и весною, ни летом не выходит на небо Орион.

Да ведь летом и без Ориона неплохо: тепло, на деревьях листья и цветы.

Осенью, когда наступают длинные и тёмные ночи, наконец-то восходит Орион.

Три звезды, наклонённые к земле, это — пояс Ориона, на котором и висит его меч. Четыре звезды по бокам — его руки и ноги.

Орион — небесный охотник, и за ним идут по ночному своду два верных пса — Большой и Малый. А где-то внизу, под ногами охотника, спряталось маленькое созвездие — Заяц.

Не знаю почему, но мне в моей жизни важнее всего Орион.

Сколько в небе созвездий! И Большая Медведица, и Северный Крест, и Волосы Вероники, а я всё жду, когда же появится Орион.

Нетрудно подождать два часа, если ждал целое лето.

Вот пройдут два часа, погашу в комнате свет и увижу в окно, как горит и сияет над нами вечный небесный охотник — Орион.

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Татьяна Алексеевна Маврина

Юрий Иосифович Коваль

ЗАЯЧЬИ ТРОПЫ

ИБ № 2406

Ответственный редактор

Л. Я. ЛИБЕТ

Художественный редактор

С. И. НИЖНЯЯ

Технический редактор

Л. В. ГРИШИНА

Корректор

К. И. КАРЕВСКАЯ

Сдано в набор 13.04.79. Подписано к печати 27.12.79. Формат
60×90 1/8. Бум. высокохудожеств. ГДР № 1. Шрифт школь-
ный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,5. Уч.-изд. л. 3,12.

Тираж 100 000 экз. Заказ № 4778. Цена 85 коп. Ордена

Трудового Красного Знамени издательство «Детская
литература» Государственного комитета РСФСР

по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли. Москва, Центр, М. Черкасский

пер., 1. Ордена Трудового Красного Зна-
мени фабрика «Детская книга» № 1

Росглавполиграфпрома Государст-
венного комитета РСФСР по

делам издательств, полигра-
фии и книжной торговли.

Москва, Суцёвский вал,

49.

М 70801—054 Без объявл.
М101(03)80

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1980 г.

